

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николaемъ Гречемъ

И

Θаддеемъ Булгаринымъ.

Т о м ъ XXI.

(Сына Отечества часть 143 я, Сѣвернаго Архива 57-я.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1831.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаііи, представлены были въ
Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ,
Іюля 4 дня 1851 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XXVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ ВЪ 1827 И 1828 ГОДАХЪ.

(*Продолженіе.*)

Воскресенье. Вечеръ 24 Іюля. Дрезденъ.

И такъ мы въ Дрезденъ! — Я сама себя не вѣрю, — ужъ не во снѣ ли эпо? Кто знаетъ: Выпрана и въ лунѣ была, и въ спраш-ныхъ Муромскихъ лѣсахъ, и съ Клязьмы береговъ спремглавъ лепѣла, кричала ай! восклицала ахъ! — и все эпо было во снѣ! Кто знаетъ, можешь быть, и я вижу всѣ эпи прелести, ощущаю радость, восхищаюсь, и все эпо не чпо иное, какъ сонъ! Продлись! продлись! да буду навсегда вкушать то счастье, копорымъ теперь наслаждаюсь! — Мы въ Дрезденъ — эпо слово болѣе меня восхищаетъ, нежели Карамзина, когда онъ могъ

сказать: *я въ Парижъ!* — Мужчинъ Богъ далъ въ удѣлъ владычество надъ міромъ; онъ можетъ, когда захочетъ, осмотрѣть дальнѣйшія часни свѣта; онъ можетъ располагать собою; а мы, бѣдныя творенія, мы осуждены всегда гнуть выю подъ ярмомъ, мы, прикованныя къ семейству, мы, слабыя женщины; могли ли ожидать, что Господь приведетъ насъ сползти на прахъ Купузова, сползти на Эльбскомъ мосту, знаменитомъ по устройству, по виду и по подвигамъ Русскихъ! — О Россія! о знаменитая родина моя! Какой восторгъ видѣть вездѣ прославленные подвиги сыновъ твоихъ! ѣхавъ по слѣдамъ пророковъ твоихъ, и мысля, что ты произвела на свѣтъ Героя, украшеніе челоуѣчества, славу вѣка, Благословеннаго Александра, о Коемъ гласитъ изъ рода въ родъ надпись, начертанная не рукою пристрастнаго друга, но рукою того, кого лишь доблестъ, крѣпость и милосердіе могли отвратить отъ врага твоего! Рукою того, чье сердце благородное умѣло чувствовать благодѣянія и быть другомъ вѣрнымъ и въ злосчастіи!.... Вошь сіе знаменитое изрѣченіе, начертанное на подножіи огромнаго бронзоваго, ярко-вызолоченнаго Распятія, поставленнаго посреди Эльбскаго великолѣпнаго моста: *Галлы разрушили, — Александръ возстановилъ.*

Понедѣльникъ. Утро 26 Июля.

Доспигнувъ Дрездена, сего центра путешествія нашего, не могу не обратишь благодарныхъ взоровъ къ небу, не могу не благодаришь милосердаго Бога, приведшаго насъ изъ отдаленнаго края Россіи на счастливые берега Эльбы столь спокойно, какъ если бы мы переѣхали изъ Молчановки въ Зубриловку! Мы проѣхали 2500 верстъ, были два мѣсяца въ дорогѣ, и въ продолженіе путешествія, самъ Господь сохранилъ насъ отъ всякаго несчастія; этого мало: Онъ помогалъ во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ; Онъ доставлялъ намъ на пути всѣ возможныя удовольствія. — Когда мы выѣхали изъ Молчановки, одна мысль о пребываніи нашемъ въ Москвѣ ужасала насъ. Дѣла, которыя папенькѣ необходимо надобно было кончить въ Москвѣ, требовали проpekцій, а мы не знали даже, къ кому адресоваться, ибо въ Москвѣ никогда не жила, и спрашивались мысли, сколько опіазовъ, сколько холодности намъ надо будетъ перенести. Чтѣ же вышло? Добрые Москвитяне встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями; мы нашли пріятелей, старинныхъ знакомыхъ, которые не щадили себя, чтобъ намъ во всемъ помогать; однимъ словомъ, пребываніе въ Москвѣ почитаю я одною изъ пріятнѣйшихъ эпохъ моей жизни! — Помомъ

пріѣхали въ Варшаву: туть-то считала я, что мы заѣхали въ дремучій лѣсъ, — ничего не бывало: — три дня проведенные нами тамъ, были днями необыкновенно пріятными. Семейство К васпавляетъ меня часто переноситься мысленно въ Варшаву, а воспоминаніе вечера, проведеннаго съ К — вымъ, доспавляетъ намъ много пріятныхъ минутъ! . . . Подобнымъ образомъ и здѣсь Господь намъ поможетъ. — Банкиръ, къ которому папенька адресованъ, не смотря на несмыльное богатство, преуслужливый человекъ; а знаменитый врачъ Крейсигъ, добрый и ласковый старичекъ, сидѣлъ у насъ сегодня часа два, и послѣ обѣда опять общался пріятно. Не надо забыть, что этою человекомъ для насъ важнѣе перваго здѣшняго Министра. — О Боже мой! о милосердый мой Отецъ! за что такія благодѣянія! чѣмъ заслужили мы это счастье!

Пятница, 29 Іюля.

Теперь шесть дней, какъ мы уже здѣсь, а я ничего не умѣю сказать о достопамятностяхъ Дрездена; я столько же знаю какъ и прежде, о знаменитой картинной галлерей, хотя я въ окошко свое гляжу на драгоценное сіе зданіе. Ни музея, ни зеленой камеры, ни театра, ни гуляній здѣшнихъ я не видала; однимъ словомъ, эти шесть дней я провела

за перомъ, исключая нѣсколько маленькихъ прогулокъ, сдѣланныхъ мною до книжныхъ лавокъ или кандинтерскихъ. — И такъ мнѣ нечего сказать про Дрезденъ, развѣ только то, что здѣшній образъ жизни совершенно отличается отъ Московскаго и Пестербургскаго; здѣсь уже и совсѣмъ не видашь экипажей, ни паршикулярныхъ, ни наемныхъ: все ходитъ пѣшкомъ. Въ 8-мъ часу запираются лавки, въ одиннадцатомъ ложатся спать. По улицамъ среди дня такая тишина, какъ бы и не было въ городѣ мостовой.

Дрезденъ. Суббота, 30 Июля.

Сего дня послѣ обѣда отправляемся мы въ Карлсбадъ; мы все этому чрезвычайно рады, ибо искои любезнѣйшею мечпою нашею былъ Карлсбадъ. Арендъ совѣщовалъ папенькѣ Ахенскія воды, но Докторъ Крейсигъ предписалъ воды Карлсбадскія, какъ для папеньки, для маменьки, такъ и для Огюстны. Я воображаю, однако жъ, что намъ очень скучно тамъ будемъ; ванны чрезвычайно разслабляютъ, нельзя будетъ гулять, а это единственное удовольствіе, котораго мы могли бы тамъ ожидать, ибо, не имѣя души знакомой, можемъ ли мы имѣть другія развлеченія?

Карлсбадъ. $\frac{2}{14}$ Августа.

Наконецъ мы въ Карлсбадѣ. Наконецъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго путешествія, позани

мы въ это очаровательное мѣстечко. Судьба, слишкомъ благосклонная! Благодарю тебя, спокрапъ благодарю, что ты привела меня сюда. Въ Карлсбадѣ можетъ недоставать только счастья; но такъ какъ Творецъ намъ далъ въ семействѣ своемъ наслаждаться симъ сокровищемъ, то для меня Карлсбадъ такое мѣсто, въ которомъ я желала бы провести весь мой вѣкъ, если бы Господь поселилъ здѣсь бабушку, да плѣненьку, Федосью Васильевну, и еще нѣкоторыхъ дорогихъ сердцу моему особъ; о, тогда бы Карлсбадъ былъ земной рай! Но пока у меня здѣсь нѣтъ ни роднаго, ни друга, съ которымъ бы я раздѣляла удовольствія, ни знакомаго, котораго бы дружественное обращеніе было для сердца то, что Карлсбадъ, съ его горами, съ его очаровательнымъ положеніемъ для глазъ, пока — говоря я — одинокое, безпріютное положеніе наше вершился въ головѣ моей, — пока не имѣю я надежды найти здѣсь сердца, которое бы дѣлило чувства, понимало ощущенія мои, — доколь буду я наслаждаться одною природою, и назову Карлсбадъ прелеснѣйшимъ въ мірѣ мѣстечкомъ, въ которомъ мнѣ весьма пріятно будетъ провести нѣсколько недѣль.

Я могу сказать, что Карлсбада я почти не видала, ибо когда мы спустились съ огромнаго *Прагеръ-берга*, когда два шормаза и при

человѣка наши на силу могли удержатъ карету, которая кашмлась по косогору, по мнѣ не до того было, чѣмъ разсматривать виды; я лишь мысленно молилась Богу, чѣмъ Онъ сохранилъ насъ. Когда же мы въѣхали въ городъ, когда отдохнули отъ испуга, когда карета въѣхала на мостъ и мы бросили взглядъ на обѣ стороны, что же мы увидѣли? Ахъ! ни въ Саксоніи, ни въ живописныхъ горахъ Богеміи не видали мы и пѣни подобнаго: какъ ни привыкъ нашъ взоръ къ прекраснымъ видамъ, со всѣмъ пѣмъ, мы были ослѣплены: съ одной стороны по берегу рѣки намъ представилась набережная, усаженная каштанами, подъ сѣнію коихъ лавки и магазины; потомъ дома и садъ, гдѣ нестрѣлись гуляющіе, а съ другой стороны рѣка упиралась въ огромнѣйшую гору, покрытую нивами и домами поселянъ; пропавъ насъ каменная скала и на ней при крестѣ, а на лѣво лѣсъ, возвышавшійся амфиатромъ, окружаетъ полуциркулемъ прелестную сію долину. И такъ, одного взгляда достаточно было, чѣмъ привести насъ въ восторгъ. Что жъ, если мы осматриваемъ этотъ волшебный Карлсбадъ, если походимъ по набережной, если взберемся на ту спрашную гору, по которой мы въѣхали, или вскарабкаемся на Гиршшпрунгъ, что же мы отсюда увидимъ,

что же мы тогда будемъ чувствовать? Гдѣ взятьъ восторгъ, гдѣ сыскать выраженіе? И, увы, гдѣ набрать словъ, чтобы достойно описать? — Это всего труднѣе.

Карлсбадъ. $\frac{3}{13}$ Августа 1827.

Покаместъ я еще не знаю Карлсбада, покаместъ у меня есть свободная минута, опишу, какъ мы здѣсь помѣщены, дабы, когда я буду въ моей психой, уединенной Молчановкѣ, могла бы, взявъ журналъ въ руки, переселиться мысленно въ Карлсбадъ. — Мы нашли здѣсь квартеру по одному необыкновенному случаю: въ Воскресенье, опѣхавъ съ полмили опъ *Брикса*, увидѣли мы ѣдущую на вспрѣчу карету; едва приблизилась она къ намъ, какъ почталіонъ остановилъ нашъ экипажъ и спалъ мѣнялись лошадьми съ другимъ почтаремъ. Мы спояли окошко въ окошко каретамъ. Въ ней сидѣла пожилая дама; она начала съ папенькой разговаривать ласковымъ, пріятнымъ тономъ, и рекомендовала намъ въ Карлсбадъ домъ, гдѣ она спояла, увѣрила, что мы покойны будемъ, какъ со стороны хозяйки, которая честная, добрая женщина, такъ и потому, что этотъ домъ расположенъ весьма удобно. Поблагодаривъ ее искренно, папенька спарался продлить пріятный разговоръ съ споль милою и обходительною женщиной; спросилъ у нее нѣсколько по-

дробности о Карлсбадѣ, и расставаюсь съ нею, повспорилъ еще свою признавательность, сожалѣя сердечно, что мы не знали имени сей доброй незнакомки. — По прїѣздѣ въ Карлсбадъ, едва остановилась наша карета, какъ окружила насъ толпа Нѣмцевъ и почти принудила паненьку иппи осмопрѣшь одинъ домъ; но едва успѣлъ онъ съ ними развязаться, какъ потпчасть пошелъ опыскашь рекомендованный намъ незнакомкою домъ, и нашелъ тамъ все по своему вкусу. За сто двадцать рублей въ мѣсяцъ, мы имѣемъ пять прехорошенькихъ компань, на лучшей улицѣ; пропивъ насъ печенъ *Тепель*, а по берегу его кашпановая аллея. Тутъ съ утра до ночи гулянье. Подъ кашпанами лавки, магазины; а сегодня, по случаю праздника Успѣнія Богородицы, на зеленыхъ канапе сидятъ группы гуляющихъ. Подъ иными кашпанами поставлены столы, и дамы лучшаго тона сидятъ съ работою или за книгою, подъ тѣнью развѣсистыхъ деревь. — У насъ, у каждаго своя горница: у паненьки, у маменьки; мы съ Огюстой живемъ въ одной. Двѣ кровати, маленькое зеркальце между окошками, комодъ простаго дерева, въ углубленіи бюро, простыя бѣлыя занавѣски — вотъ все украшеніе моей комнаты; но чистота и опрятность постели, спѣнь, пола и всей мебели дѣлають ее опшѣнно привлекательною

для взора. Скала и на верху оной Распятіе, которыя видны изъ окошка, придають еще болѣе пріятности моему скромному жилищу. Изъ пріемной нашей комнаты видъ прелестнѣйшій, ибо весь городъ, рѣка, горы, каштаны, гуляющіе, — это все вдругъ представится взору, лишь только подойдешь къ окошку. Хозяйка наша, по видимому, очень хорошая женщина; мы во всемъ къ ней адресуемся, ибо мы здѣшнихъ обычаевъ не знаемъ, и до сихъ поръ все, что она присовѣщывала, было намъ полезно. Она женщина простая, но добрая и услужливая. Теперь надобно знать, кому обязаны мы этимъ покойнымъ жилищемъ, кто та дама, которую мы въ Воскресенье встрѣтили? Это Графиня Бенигсенъ, супруга того Генерала, который съ такою славою предводительствовалъ Россійскимъ войскомъ въ опечистившую войну.

Тотъ же день, 7 часовъ вечера.

Ахъ, я забыла рассказать, какъ мы были удивлены вчера вечеромъ! Мы собирались уже ложиться спать, какъ слышимъ звукъ икспрументовъ: подходимъ къ окошку, и видимъ подъ тѣнію каштановъ разставленные столы; и человекъ восемь музыкантовъ даютъ намъ серенаду! — Ночь была темная. Деревя освѣщены фонарями; — глубокая вокругъ тишина, звуки музыки — все показалось мнѣ

интересно, все возбудило во мнѣ участіе къ несчастнымъ, которые такимъ образомъ достаютъ себѣ пропитаніе, ибо, какъ сказала намъ хозяйка, это родъ милостыни, которую несчастные горные жители Богеміи выпрашиваютъ у сострадашельныхъ посѣпителей Карлсбада. Я сердечно сожалею, что они сегодня не пришли къ намъ: о, съ какимъ бы удовольствіемъ подѣлилась я съ ними пою суммою, которую я вчера за исправное веденіе счетовъ получила отъ папеньки!...

Четвертокъ, 4го Августа 1817 года.

Вчера послѣ обѣда, начались уже наши прогулки, и еслибъ я не была въ грустномъ расположеніи духа, то мнѣ бы очень было пріятно. Въ четыре часа мы вышли изъ дому и прошли къ цирку, гдѣ шруппа волпижеровъ заставляла плашью публику за нескусное свое фиглярство и за духоту. Мы пробывъ шупъ около часа, и я не престаю сожалѣть, что мы потеряли время, смотря на эти глупости, тогда какъ тихая, теплая погода и прелестное мѣстоположеніе общали намъ столько удовольствія въ прогулкѣ. Наскучивъ сидѣть въ духотѣ, пошли мы на высокую гору, которая была у насъ передъ глазами, по спокойной, широкой дорогѣ, которая вилась кругомъ горы, казалась все далѣе и далѣе отъ насъ; наконецъ, поше-

ривъ надежду достигнуть оной, мы возвратились; но едва спустились, какъ узнали, что эта дорога вела насъ прямо къ Храму благодарности. Нельзя себѣ представить, какъ мы сожалѣли, что не знали этого прежде, ибо возвратиться было уже поздно; и такъ мы должны были оплошать до другаго дня удовольствіе осмотрѣть эполъ памятникъ благодарности Шотландскаго Лорда Графа Финдлапера, который, получивъ въ Карлсбадѣ исцѣленіе отъ пляжкой продолжительной болѣзни, сдѣлавъ гулянье на одной изъ величественныхъ горъ, окружающихъ Карлсбадъ, превративъ ее въ Англійскій садъ. Поздно уже было идти на вершину горы, но домой мы не хотѣли еще возвратиться, ибо время было прелестное; и такъ мы пошли по полугоръ; между деревьями безпрестанно выглядывалъ Карлсбадъ; мы на каждомъ шагу останавливались, чтобъ любоваться на милый эполъ городокъ. Вдругъ въ сторонѣ увидѣли мы часовню: подходимъ шуда, и видимъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, сидящихъ съ книгами въ рукахъ, на лавкахъ, пропивъ Образа Богоматери. Я не въ силахъ описать, какъ распроганы мы были сею неожиданною картиною. Спокойствіе, изображенное на лицахъ молящихся, тишина, царствовавшая вокругъ, очаровательное положеніе часовни,

припертой къ граничной горѣ — все возбуждало во мнѣ чувство необыкновенно пріятное, и это было первое радостное ощущеніе, которое въ цѣлый день я испытала! Сокрытый отъ взоровъ хладнокровія, шумъ истинный Христіанинъ найдетъ убожище отъ житейскихъ бурь, подумала я, и обѣщала себѣ мысленно, часто возвращаться на это прелестное мѣсто. — Отъ часовни прошли мы домой, напились лимонаду, и опять отправились гулять по берегу Тенелл, который то расширился, подобно рѣкѣ, то журчалъ ручейкомъ между камнями; развѣсистыя деревья группами стояли на берегу, и кой-гдѣ граничныя скалы выглядывали сквозь зелень.

Пятница, $\frac{6}{17}$ Августа.

Съ какимъ удовольствіемъ принимаюсь я за перо! Какъ пріятно мнѣ описать вчерашнюю прогулку. Въ мірѣ, гдѣ все несовершенно, когда вполне можно наслаждаться какимъ нибудь удовольствіемъ, то и воспоминаніе сладостно для благодарнаго сердца. И такъ, мнѣ пріятно описать вчерашній вечеръ, ибо, исключая удовольствія видѣть природу и искусство, соединенныя для очарованія чувствъ моихъ, я сверхъ того наслаждалась спокойствіемъ душевнымъ. — Я видѣла такія мѣста, какихъ воображеніе мое никогда не въ силахъ было себѣ представить, ибо, вѣхавши

въ Саксонію, глядя на эти горы, на прелестныя долины, украшенныя природою и руками человеческими, я была въ восхищеніи и думала, что это крайній предѣлъ красоты; но когда я вчера взшла на вершину того огромнаго гѣганта, на который мы вчера пыпались всходитьъ.... но — удержусь, начну рассказывать сначала:

Въ пять часовъ отправились мы съ папенькой на горы, съ твердымъ намѣреніемъ достигнуть вершины, дабы съ высоты посмотреть на Карлсбадъ. Мы пошли знакомою дорогою, не останавливаясь взбирался на гору, и въ десять минутъ были уже тамъ, куда наканунѣ съ такимъ трудомъ всходили цѣлые полчаса. Этотъ успѣхъ ободрилъ насъ; но видъ это были одни цвѣточки, — еще далеко, далеко намъ надобно было идти, чтобы добраться до *Храма благодарности*. Наконецъ показались колонны, и скорѣ означились формы храма, — еще нѣсколько шаговъ, и мы въ немъ, и мы сможемъ и восхищаемся, ибо вокругъ горы, которыя расходятся, дабы пропустить Тепель; рѣчка же сія, изгибами, кажется, хочетъ удалитъ минушу, когда ей должно покинуть живописную долину, на коей клумбами разбросаны деревья. Долго мы стояли въ этомъ храмѣ; усталость, и осо-

бенно прелестъ мѣстоположенія удерживали насъ. Попомъ пошли мы далѣе; обошли всю гору, но до вершины было еще далеко; — мы удвоили шаги и въ четверть часа достигли до того мѣста, куда предчувствіе влекло насъ уже двое сутокъ. Ахъ! не даромъ мы сюда спремались — весь Карлсбадъ, его окружности, холмы, поля, лѣса, сады и цѣпь рудныхъ горъ представились вдругъ нашимъ взорамъ! Но чѣмъ казался намъ Карлсбадъ? Эти дома, эти красныя и черныя крыши, казались карпачными домиками; это Тпель — въ желтый пазъ наливая водица, — эта скала, осыненная крестомъ, на которую съ такимъ подобоспращіемъ гляжу я въ окошко, груда камней шулкою набросанныхъ... Ахъ, какой видъ! Величественный, огромный! Если бъ, говорить папенка, на карпинъ представилъ намъ эти мѣста, то мы бы не повѣрили; мы бы сказали, что это преувеличено, что не можемъ въ нашуръ собраться въ одномъ мѣстѣ столько прелестнаго.

Хвала Графу Финдлаперу, что онъ опдѣлалъ эту гору! Ему обязаны посѣпители Карлсбада прелестными прогулками, которые доставляютъ каждому полезное и пріятное развлеченіе, ибо онъ первый показалъ сему примѣръ. Еще 12 лѣтъ назадъ, когда здѣсь былъ Кампе, прочія горы были еще не обра-

бошаны, одинъ лишь Финдлаперовъ храмъ, одна лишь сія гора были опдѣланы; но мало по малу почувствовали пользу, или лучше сказать, необходимость сдѣлать вокругъ города гулянья, ибо Карлсбадъ, находясь почти въ ямѣ, такъ спѣсненъ горами, что въ срединѣ города невозможно сдѣлать сада; и такъ вскорѣ послѣдовали примѣру Графа Финдлапера, и теперь всѣ дикія, каменистыя горы, окружающія Карлсбадъ, превращены въ прелестный Англіійскій садъ. Въ изъясненіе же признательности къ благородному украсителю природы, граждане Карлсбада воздвигнули ему пирамиду. Съ мѣста, на коемъ она поставлена, во всѣ стороны видъ столь же прелестный, какъ съ Freundschafts-anhöhe: такъ называется вершина сей горы. Многіе увѣряютъ, что съ der Kreuzberg видъ еще лучше; я этому не вѣрю, то есть, я не могу этого постигнуть, ибо воображеніе мое не въ силахъ вмѣстить что либо прелестнѣе и величественнѣе того вида, которымъ я вчера наслаждалась, ахъ, истинно наслаждалась! Когда мы взошли на вершину горы, то пошелъ дождь; но время было такое теплое, что это папеньку не разспроило, и такъ я вполне вкушала удовольствіе взиранъ на столь новые, необыкновенныя предметы, ибо горъ, кромѣ на кар-

пинахъ, никогда я не видала; а что можешь сравниться съ гористымъ мѣстоположеніемъ?

Воскресенье. 7^е Августа.

Я два дни не писала журнала, за то много есть что поразсказать; боюсь однако жъ, что не успѣю, ибо мнѣ до обѣда еще много дѣла, теперь же я пользуюсь минутою, пока у насъ сидитъ докторъ; какъ же скоро онъ уйдетъ, журналъ положился въ сторону.

Вчера съ 1го Августа начали папенька и маменька пить воды. Насъ разбудили въ шестомъ часу; мы одѣлись и въ началѣ седьмого отправились прежде къ Шлосбергу. Вода этого источника предписана Огюстѣ. Она, бѣдная, хотя не имѣетъ рѣшительной болѣзни, но съ нѣкотораго времени чувствуютъ разные припадки, которые доказываютъ, что здоровье ея очень разстроено. И такъ, говорю я, мы отправились сначала къ Шлосбергу. Тутъ нѣтъ ни гулянья, ни галерей; надъ источникомъ сдѣланъ лишь храмикъ, но въ немъ не нашли мы почти ничего. Огюста выпила кружку воды, и мы сошли съ Шлосберга къ Терезіенъ-бруну, который, равно какъ и Мюльбрунъ, есть наиболѣе употребляемый источникъ. Тутъ привѣтствовала насъ музыка, тутъ увидѣли мы толпу гуляющихъ, тутъ нашли мы липовую

аллею, и большую, прекрасно устроенную галерею. Маменька выпила кружку воды изъ Терезіень-бруна, а папенька изъ Мюльбруна, мы же съ Огюстой поднялись опять къ Шлосбруну, и такимъ образомъ всходили при раза на гору. Наконецъ, когда Огюста выпила предписанное количество воды, тогда мы оспались въ галереѣ и ходили взадъ и впередъ съ папенькой и съ маменькой; встрѣчали ежеминутно новыя, иногда комическія, рѣдко интересныя и больныя, но по большей части эти обыкновенныя фizioноміи, которыя не возбуждаютъ ни вниманія, ни участія, хотя бы ихъ встрѣчалъ по десяти разъ на день. Когда же папенька и маменька выпили по 4 спакана, мы всѣ отправились гулять по берегу Тепеля, гдѣ пройдя цѣлый часъ, возвратились пить кофе подъ тѣнію кашпановъ.

Четвертокъ, $\frac{11}{23}$ Августа.

Удивительно, какъ это я ничего не успѣваю дѣлать. Опять четыре дня не писала журнала. Спранно; кажется, ни минутокъ не теряю, а все дѣло съ мѣсяца неидетъ. Вчера послѣ обѣда мы ходили любоваться Шпруделемъ. О природа, о чародѣйка! Прими дань удивленія отъ восхищенныхъ чувствъ моихъ! Сколь слабы всѣ дѣла рукъ человеческихъ въ сравненіи съ твоими чудесами! Со всѣмъ

пѣмъ сколь достойны похвалы и человѣческіе труды, на примѣръ : какъ хорошо устроены паровыя бани надъ главнымъ источникомъ ! Мы подробно осматривали всѣ машины, видѣли трубы, которыя проводятъ паръ, были въ каждой горницѣ, открывали ящикъ, въ который больной долженъ садиться ; сверху и съ боковъ все крыто ; приставился труба, и начнутъ душитъ несчастнаго паромъ.

Пятница, $\frac{12}{24}$ Августа 1827 г.

Съ нынѣшняго дня на двѣ недѣли я прощусь съ своимъ журналомъ. Съ 11-го числа я начала поже пить воды. Докторъ Мишпербахеръ рѣшишельно мнѣ запрешилъ всѣ занятія, — и такъ прощай, милый мой журналъ!

(Продолженіе впрѣдъ.)

К Р И Т И К А.

Замѣчанія на сочиненіи А. С. Пушкина: *Борисъ Годуновъ.*

(Продолженіе.)

Послѣ сего, дѣйствіе переносится на минушу въ палаты Папріарха, который говоритъ съ Игуменомъ Чудова монастыря о побѣгѣ и самозванствѣ Григорія. Языкъ Игумена и Папріарха столь естественъ и сообразенъ лицамъ говорящимъ и предмету рѣчи, что, очаровавъ читателя, переноситъ его въ вѣкъ простоты, въ чертоги сего Первосвященителя, который на слова Игумена: . . . „былъ онъ весьма грамотенъ . . . но знать грамота далась ему не отъ Господа Бога . . .“ съ душевной простотою отвѣчаетъ: „*Ужъ эти мнѣ грамоты . . . Ахъ, онъ сосудъ діавольскій! . . . Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?*“ Что можетъ быть проще, естественнѣе, чистосердечнѣе послѣдняго вопроса? Но эта, сама по себѣ очаровательная сцена, совершенно неумѣстна: въ какой связи состоитъ она съ предшествующими? Приготавлиае

ли чипашеля къ слѣдующей, которая пропс-
ходинъ въ Царскихъ палатахъ? и, мимохо-
домъ сказать, совершенно также лишняя.
Здѣсь одинъ Стольникъ, пришедъ, спраши-
ваетъ у другаго: „гдѣ Государь?

В т о р о й.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

П е р в ы й.

Такъ вотъ его любимая *бесѣда*:

Кудесники, гадатели, колдуны.

Все ворожишь, что красная невеста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаешь онъ?

В т о р о й.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросишь?

П е р в ы й.

Какъ онъ угрюмъ! (*уходятъ.*)

Для чего явленіе двухъ эпическихъ лицъ? Не
для того ли, чтобы показать главныхъ и
любимыхъ занятій Царя и боязливостъ при-
дворныхъ, бѣгающихъ отъ его угрюмости?
Но въ такомъ случаѣ, кажется, позволимель-
но спросить: желалъ ли Поэтъ изобразить
Бориса лицомъ совершенно *идеальнымъ*, или
историческимъ? — Если *идеальнымъ*, то для
сего Борисъ совсѣмъ негодится: во-первыхъ
потому, что онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ
Исторіею; никакая геніальная сила не оттор-
гнетъ его отъ оной; во-вторыхъ потому,

что, будучи совершенно необыкновеннымъ явленіемъ нравственно-полипическаго міра, не пребудетъ посторонней сильной помощи для того, чтобы удивить читателя величіемъ и потрясти душу его чудесною своею судьбою. И припомъ рѣшительно можно сказать и доказать, что и историческія черты сего лица доселѣ не исчерпаны всѣ, и много, много великаго еще не отгадали въ семь человѣкъ, хотя все худое и Прозаики и Поэты увеличили до иперболы. Если же Поэтъ хотѣлъ представить своего героя лицомъ историческимъ, въ современномъ его вѣку изящномъ костюмѣ, пополняя дѣйствительность непременно-возможнымъ, и выпуская все лишнее, холодное, мелочное, прозаическое, то съ какимъ намѣреніемъ всѣ важныя и маловажныя лица Драмы и на площади, и во дворцѣ, и въ кельяхъ монашескихъ говорятъ о немъ только *худое*? Правда, Воробинскій изъ боязни или слабодушія говоритъ Шуйскому:

Да, трудно намъ шатайся съ Годуновымъ...
а Басмановъ, находя свои выгоды въ изпреб-
леніи мѣспничества:

И много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворишь.

Но самыя побужденія и обстоятельства обезсиливаютъ сіи незначительныя похвалы. Похваляется иногда онъ самъ себя, да и то не

совсѣмъ выгодно, ибо въ слѣдъ за побѣгомъ Спольниковъ, онъ въ длинномъ монологѣ между похвалами наговорилъ на себя много небыллицъ, совсѣмъ не похвальныхъ. Неужели Поэтъ хотѣлъ возвысить Драму свою опущеніемъ великихъ свойствъ и дѣйствій Годунова? Она много потеряла отъ сей односторонности въ изображеніи характера героя; отъ сего читатель не принимаетъ въ судьбѣ его ни какого участія, не тревожился опасностями и не жалеетъ о гибели его; ничто не располагаетъ въ его пользу. Если жъ это было его намѣреніе, то надлежало бы противопоставляющее лице поставивъ въ затруднительныя и опасныя положенія, которыя бы превозили читателя относительно его судьбы.

Но обратимся къ монологу Царя. Когда человекъ способенъ говорить самъ съ собою? Въ минуты сильнаго волненія чувствованій, которыя, подобно огню подземнымъ, насильственно испоргаются изъ груди его, но которыхъ или никто не хочетъ слушать, или никому не смѣетъ онъ открытъ. О чемъ же Борисъ говоритъ? Рассказываетъ о своихъ благодѣяніяхъ народу, о неблагодарности, несправедливости сего послѣдняго; оправдываетъ себя во всѣхъ клеветахъ народа. Это не тайна! И кажется, причина бы всего

было шакъ говоришь предъ другими, и даже всенародно. Только въ концѣ нѣсколько намѣкаешь о томъ, что не терпишь гласности, и заспавляешь подозрѣвать въ какомъ-то шайномъ злодѣяніи :

„Ахъ! чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто.... Едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой.
Но если въ ней единое пачно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучать въ ушахъ упрямомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И малыжки кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не гиста!

Но сія ужасная шайна, сжигающая душу его какъ язва моровая, выражена языкомъ какимъ-то непріятно смѣшнымъ; особенно послѣдніе пять стиховъ, безобразіе которыхъ я не считаю нужнымъ и показывать: оно само за себя слишкомъ громко говоритъ — оплечающа самымъ вялымъ прозаизмомъ. И здѣсь послѣдній холодный стихъ заспавляетъ насъ сомнѣваться въ шомъ, чтобы эти упрёки Борисъ относилъ къ себѣ. Это — размышленіе о совѣсти, это — общая мысль!

Послѣ того дѣйствіе переносится на Липовскую границу, въ корчму. Здѣсь представляется современная того вѣка картина въ необыкновенно искусной окладкѣ, столь живо, столь рѣзко изображенная, что, кажется, нѣтъ ни одной черты лишней, ничто не упущено, все на своемъ мѣстѣ, все живо описано; языкъ шаковъ, что, читая эту сцену, находишься въ кругу сихъ пирующихъ и спорящихъ удалцовъ: веселость, заносчивое удалство Варлаама, привѣтливость, простота и болтливость хозяйки, придирчивость Царскихъ Приставовъ, ловкость монаха *Михоноши*, съ каковою онъ, жалуясь на скупость мірянъ, на холодность ихъ къ спасенію душъ подавленіемъ, оштыгрывается онъ сыщиковъ, изображены столь искусно, столь согласно съ духомъ времени, что все это вмѣстѣ даетъ полное понятіе о прехъ классахъ народа — на примѣръ слова: *Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, — все намъ равно, было бы вино. . . . Да вотъ и оно! . . .* Это совершенно выражаетъ ухвалки простонароднаго Русскаго весельчака, краснобая. И хотя сцена сія не имѣетъ ничего важнаго, доблестнаго, великаго, трагическаго, однако она, кромѣ вѣрнаго выраженія народности, развиваетъ дѣйствіе Драмы, и нѣсколько знакомитъ уже

съ характеромъ важнаго въ ней лица Григорія Опрѣшева.

Слѣдующія за симъ двѣ сцены, происходящія въ домѣ Шуйскаго и въ царскихъ Палатахъ, выказываютъ настоящій характеръ дѣйствія; и, вводя Бориса въ трагическое положеніе, могли бы въ душѣ читателя родить участіе, опасеніе и безпокойство о судьбѣ его, если бы одностороннее изображеніе характера и дѣлъ его не возбуждало противъ него негодованія, которое подавляетъ всякое участіе, всякое чувствованіе, родившееся въ его пользу; нѣтъ ни одного голоса на защиту Годунова; а собственная его безхарактерность еще болѣе усиливаетъ равнодушіе читателя; онъ ни оправдываетъ, ни обвиняетъ себя своими дѣйствіями; вездѣ видимъ въ немъ какую-то усталость и боязливую недѣлительность. Только въ разговорѣ съ Шуйскимъ онъ пробуждается; но это пробужденіе довершаетъ негодованіе читателя, особливо, когда слышишь:

„ . . . Головою сына
Клянусь, тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Опъ ужаса во гробъ содрогнешся.“

Сильно сказано! Но естественны ли, вѣроятны ли эти слова въ устахъ *Царя Бориса — Шуйскому*? И нужно ли доказы-

вать это сомнѣніе? — Опъ сихъ-то ошибокъ рождаются въ чинахъ какія-то спранные, неспешивныя чувствованія. Привыкну по Исторіи почитать Бориса человекомъ необыкновеннымъ, великимъ, ожидаешь, что Драма разовьетъ его характеръ со всѣми малѣйшими оппѣнками величія и добродѣтелей, слабостей и пороковъ, приведши все сіе то въ прелестную, то въ ужасную форму, ожидаешь возбужденія участія, опасенія, безпокойства, страха, и о самыхъ порокахъ сожалѣнія, или, по крайней мѣрѣ, ужаса, возбужденнаго раскаяніемъ. Но что же? — Какая-то холодность, какое-то равнодушіе къ доброй и злой сторонѣ его, даже раскаяніе само по себѣ ужасное, не производитъ ожидаемаго дѣйствія: оно двусмысленно! Его добродѣтели ни сколько не привязываютъ къ нему насъ, злодѣянія — не ужасаютъ; ибо хотимъ видѣть то и другое въ живыхъ дѣйствіяхъ, или ожидаемъ, чтобъ о первыхъ проговаривались самые враги его, о послѣднихъ — онъ самъ.

Въ разговоръ съ дѣтьми своими, съ Семеномъ Годуновымъ, съ Шуйскимъ и съ самимъ собою, Борисъ могъ бы совершенно открыть свою душу, высказать свой истинный и кажущійся характеръ; но онъ остался загадкой!

Въ обоихъ сценахъ Шуйскій есть важное лице, и онъ является здѣсь въ собственномъ своемъ характерѣ — хитръ, непроницаемо хитръ: въ первой сценѣ притворнымъ равнодушіемъ, удачными возраженіями, законическими вопросами чрезвычайно искусно заставилъ Пушкина высказать все и не узнать ничего; а во второмъ еще искуснѣе, отклонивъ отъ себя бурю гнѣва Царскаго, умѣлъ занять Бориса дѣломъ важнѣйшимъ, объяснивъ ему всю силу опасности. Лучшія, хотя и не высокія мѣста въ поэтическомъ отношеніи, суть: молитва при Царскомъ здоровѣ, жалоба, впрочемъ преувеличенная — Пушкина прошивъ Царя; разговоръ Бориса съ Θεодоромъ *о чертежѣ земли Московской*; по смятенію Царя, его страхъ, изступленіе, сомнѣніе, истинно превосходны. Онъ, не желавъ видѣть опасности, потомъ, прошивъ собственной воли увѣрившись въ оной, вдругъ приказываетъ взять мѣры для огражденія Россіи отъ Липвы, снова желаетъ не вѣрять, и снова ужасная увѣренность — подозрѣніе, страхъ, угрызенія совѣсти, гнѣвъ и отчаяніе. Вотъ трагическое положеніе Бориса! Вотъ драматическое искусство Поэта! Царь, удерживая Князя Шуйскаго, чѣмъ увѣривъ его въ маловажности сей вѣщи, какъ сильно выражаетъ свой страхъ, говоря:

„ . . . Слыхалъ ли ты когда,
 Чѣмъ мертвые изъ гроба выходили
 Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣчанныхъ великимъ Патриархомъ!

Самъно? А? Чѣмъ? Чѣмъ же не смѣешься ты?“ (*)

Въ семь мѣсѣцъ Поэтъ совершенно понялъ и
 выразилъ положеніе Годунова, который имѣетъ
 нужду напоминать, что онъ *Царь, Царь закон-*
ный, что мертвые не могутъ его допрашивать;
 и какъ онъ, боясь проговориться, мѣшается
 въ словахъ отъ излишней осторожности:

„Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего . . .

Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни . . .

Это истинно разговоръ *Годунова съ Шуй-*
скимъ при появленіи слуха о Самозванцѣ. Но
 когда Шуйскій, послѣ ужасной угрозы Царя,
 слишкомъ увѣрилъ его въ смерти Димитрія,
 и когда Царь, встревоженный подробностями
 рассказа, высылаетъ хитраго вельможу, по
 ясно обнаруживающаго участіе въ
 убійствѣ Царевича; а по удаленіи Шуйскаго,
 въ сильномъ, спрасномъ монологѣ снова на-
 водитъ непроницаемое сомнѣніе; ибо слова:

„Такъ вошь зачѣмъ принадесть лѣтъ мнѣ сряду

„Все смилось убиное дитя!

„Да, да — вошь что! Теперь я понимаю!“

(*) Надобно вспомнить рассказъ Франца Моора о своемъ
 сновидѣніи. *Прил. Кор.*

доказываютъ, что онъ не могъ укорять себя въ убійствѣ царственнаго ошрока, какъ не принимавшій въ помъ ни малѣйшаго участія. Если онъ былъ убійца, то могъ ли не понимать сна сего, могъ ли пещерь полководца его какъ предвѣщаніе, а не какъ дѣйствіе превозной совѣспи? Притворство здѣсь не умѣста; онъ одинъ, и въ какомъ положеніи? И такъ это противорѣчитъ предшесствующему, и опровергаесть все, чѣмъ онъ измѣнялъ себя въ *присутствіи другихъ*.

Теперь дѣйствіе переносится въ Краковъ; Самозванецъ начинаесть дѣйспвовать прямо, ошкрыто, и всѣ движенія начинають происпекасть отъ него. Русскіе выходцы, Поляки, Липовцы, — толпами приходятъ къ нему; онъ принимаетъ ихъ весьма прилично обстояпельствамъ: Езуишу Черниковскому хитро льститъ и обѣщаесть ввести въ Россію Каполицизмъ; Мнишеха улещаесть, рассыпаясь въ похвалахъ его госпенріимству и прелестямъ дочери; Русскихъ привязываетъ къ себѣ, разумѣется, добрымъ словомъ, Поляковъ деньгами. Лучшія мѣста изъ сей сцены: обращеніе Самозванца къ Курбскому и къ Поэту.

Балъ у Мнишеха, какъ уже извѣстно, совершенно лишній, и, кажется, для того только введенъ, чпобъ сказать нѣсколько остроумъ,

да назначить ночное свиданіе Самозванца съ Мариной, изъ котораго узнаемъ, что первый спрасно влюбленъ въ гордую Панну; она надменные замыслы предпочишаетъ всѣмъ нѣжностямъ, и хочетъ любить *только Царя*. — Если разсматривать сей разговоръ оп- дѣльно, какъ изъясненіе любви и щеславія, не принимая въ уваженіе лицъ и обстоятельство и не соображая начала съ концемъ, то най- дущся въ немъ мѣста превосходныя, чувствованія необыкновенно сильныя; напримѣръ, въ началѣ, выраженіе любви, или потомъ еще сильнѣе выражена оскорбленная гордость:

„Тыя Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно, спыдно мнѣ“

Но если вспомнимъ, что здѣсь говоритъ проходецъ Самозванецъ, съ гордой дочерью надменнаго воеводы Польскаго, что говоритъ человекъ, котораго почитаютъ Царскимъ сыномъ, и который на семъ заблужденіи осно- вываетъ ужасно-великіе замыслы; то, пред- положивъ его не глупымъ, должны думать съ нимъ вмѣстѣ, что никогда, нигдѣ,

*Ни въ пиришествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ заветномъ разговорѣ,*

*Ни подъ пожеланъ, ни въ лукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ языкъ его не выдастъ;
Что онъ обманъ отважный обезпечитъ
Упорною, глубокой, вѣчною тайной.*

Никакъ нельзя ожидать, чѣмъ онъ открылъ свои обманы гордой дѣвѣ; чѣмъ такъ просто, такъ въпрено *позоръ свой облигилъ*. И для чего? Не для того ли, чѣмъ чистапеля вывести изъ заблужденія, опношительно своего происхожденія? — Во-первыхъ, это нужно сдѣлать раньше; во-вторыхъ, для этого можно избрать другія средства, болѣе приличные характеру дѣла и самому названію Драмы, а эпомъ споръ Самозванца съ Мариною не имѣетъ ни какого опношенія къ Борису, ни къ его царствованію, ни къ паденію, хоня и говорятъ здѣсь о немъ. Припомъ вся сія сцена наполнена прошиворѣчіями: Григорій въ первомъ монологѣ, говоря:

Какъ обольшу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей.....

ясно показывается сомнѣніе въ ея согласіи на союзъ съ нимъ и боязнъ опказа, и вдругъ рѣшается обольшить сію надменную красавицу, чѣмъ? Объявляютъ, чѣмъ онъ бродяга, обманщикъ; и такъ твердо рѣшился увѣрить ее въ сей испинѣ, чѣмъ забылъ любовь, въ копорой ему опказываютъ за шакую опкровенность; забылъ опасность, ко-

порую пѣмъ навлекаешъ на себя, и усиленно доказываешъ, что Марина должна любить *Самозванца*. И когда же онъ рѣшается на открытіе сей ужасной для него тайны? Тогда, какъ Марина на его спраспныя объясненія отвѣчаетъ ;

„Спыдись! не забывай

Высокаго святаго назначенья. . . .

или: „Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя,“ (т. е. не Царевича.)

Неужели послѣ этого Григорій могъ быть спелько опкровеннымъ? — Конечно, онъ былъ увлеченъ порывомъ спраспи, онъ говоритъ :

„Любовь мушитъ мое воображеніе“

или: „Ты мнѣ была единспвенной святыней,
Предъ ней же я припворспловать не смѣлъ.“

Но могъ ли эпомъ, до изспущенія спраспный обожашель, какъ бы ни былъ оскорбленъ, говорить такъ :

„Нѣтъ, — легче мнѣ сражашся съ Годуновымъ,
Или хипришь съ придворнымъ Езуишомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними, мочи нѣтъ:
И пушаетъ, и вьешся, и ползешъ,
Скользишь изъ рукъ, шипишь, грозить и
жалишь.“

Нѣтъ, эшо не любовь оскорбленная, а до-
сада обманутаго, прспыженнаго хипреца,

который однако въ гнѣвной своей выходкѣ неудачно изобразилъ Марину; она не *вила*сь, не *ползла*, и не *скользила* изъ рукъ

При совершенствахъ внутреннихъ, при связности представлений, при быстротѣ дѣйствія, — внѣшніе недоспажки, которые впрочемъ у Г. Пушкина не часто встрѣчаются, бывають не совсѣмъ замѣтны; но здѣсь они, оставаясь какъ бы безъ защиты, слишкомъ явно выказываются, такъ, что трудно вѣрить, чтобъ довершителъ преобразования нашего стихотворнаго языка могъ произвести таковыя стихи:

Спыдишься ты не — Княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ (?) шеперь моя судьба,
Рѣши: я жду! (бросается на колѣни).

МАРИНА.

Встань, бѣдный Самозванецъ.

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненъ,
Какъ дѣвочки доверчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха“

Но въ какомъ отношеніи сія сцена къ ходу Драмы? — Она * вполнѣ изображаетъ характеръ Марины; и сіе-то маловажное назначеніе — изображеніе лица, ни какими

узами несвязаннаго съ Борисомъ — столь долгаго и столь ошибочнаго во всѣхъ отношеніяхъ эпизода, еще болѣе усиливаетъ непріятное чувствованіе, раждающееся при чтеніи онаго.

(Окончаніе впереди.)

III.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУСТВО.

О цѣлебной силѣ природы въ человѣкѣ (*).

Я не могу иначе благосклонному читателю составить понятіе о той силѣ тѣла нашего, которую врачи называютъ цѣлбною, какъ только указывая и разбирая ея дѣйствія и явленія. Она (но не пластыри и мази), съ *примѣрною* правильностію, обширную

(*) Авторъ *Разговора о Гомеопатіи*, осмѣлившись ближе разсмотрѣть слѣдующее мнѣніе объ оной, помѣщенное въ Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ 1830 г. кн. II, стр. 204 „что большая часть деревенскихъ жителей, а можетъ быть $\frac{3}{4}$ всѣхъ обитателей пространнаго Россійскаго Государства, лечится гомеопатически, и, какъ кажется, не

рану на шѣлѣ выполняетъ алою плотью и, сближая края, заживляетъ оную; она съ обдуманною заботливостію облекаетъ гноемъ напр. пулю, оставшуюся въ шѣлѣ, дабы предохранить рану отъ сильнаго раздраженія, и приуготовить какъ пушъ, такъ и самую пулю къ легчайшему извлеченію; она съ *благонамеренною распорядительностію*, въ гангренѣ означаетъ демаркаціонную линію (предѣлъ, гдѣ кончится она), и отдѣляетъ поврежденныя части; въ порчѣ же кости, отсоединяетъ и иногда раздробляетъ отсѣпавшій отъ оной кусокъ; она также съ *удивительными искусствомъ* спаиваетъ концы переломленной кости — словомъ, Хирургія представляетъ намъ неизмѣримые случаи поврежденія шѣла нашего и разительные примѣры излеченія оныхъ, и вмѣстѣ убѣждаетъ насъ въ *непостижимомъ искусствѣ, длительности и могуществѣ* цѣлебной силы.

Ея таинственной прозорливости приписывайте у простудившагося лихорадку (лег-

всегда безъ успѣха, ш. е. большая ихъ часть не принимаютъ вовсе никакихъ лекарствъ, но не взирая на сіе, конечно многіе выздоравливаютъ,“ — рѣшился написать для Профановъ Медицины спашью: о цѣлебной силѣ природы, на которой основываются оное мнѣніе, а равно и мои сужденія объ немъ.

кая борьба съ болѣзнетворною причиною);
 ся *точности въ порядкѣ* — на седьмой день
 переломъ (благополучное окончаніе борьбы).
 Опъ ея *непроницаемой расчетливости и даль-*
новидности зависипъ, что она, въ горячкахъ,
 ввергаетъ спраждающаго въ опчаянное изне-
 моженіе, даже въ безчувствіе (дабы, какъ
 кажется, безмятежно, съ бѣльшею вѣрностію
 распорядипся и дѣйствовать), и уже на 14
 день болѣзни совершаетъ многотрудный свой
 подвигъ — переломъ. Изъ *попечительной не-*
избѣжности у подагрика, по видимому, безъ
 жалоспи поражаетъ она жесточайшими бо-
 лями большой палецъ ноги, дабы пѣмъ осво-
 бодипъ пѣло его опъ зловерднаго вещества,
 въ немъ гнѣздившагося. Даже, допуская про-
 изрожденіе мочеваго камня, рака, язвъ, до-
 зволяетъ развипся и укоренипся разнымъ
 мучипельнымъ, неизлечимымъ недугамъ един-
 ственно изъ *предусмотрительной крайности*
 и спремленія къ главнѣйшей цѣли — про-
 длипъ, не взирая на жестокоств мѣръ, на-
 ше быпіе, достигая сего пѣмъ, что она,
 подвергая спраданію одну частъ пѣла, спа-
 саетъ весь организмъ опъ быстраго, неми-
 нуемаго расстройства и разрушенія.

Повѣрьте, что это она ипохондрика,
 часно самовольно распривающаго свое здо-
 ровье, ежеминутно превожипъ и понуж-

даешь заботишься объ ономъ, или лучше ска-
зашь, по тѣмъ, по другими нападками на-
поминаешь ему перемѣнить безпунный по-
рядокъ жизни, навыки, приспособія. Она
также, удушая многоразличными болѣзнен-
ными ощущеніями спраждающую спазмами,
настойтельно требуетъ перестать рабо-
дѣствовать спрастями и прихотямъ, же-
сточайшимъ врагамъ здоровья — но внимая
гласу разсудка и природы, слѣдовать ихъ
внушеніямъ. И потому для влѣщаго впечат-
лѣнія, у обоихъ, самопроизвольно болѣю-
щихъ, во время жесточайшихъ припадковъ,
не опнимаешь способности чувствовать
спраданія. Совсѣмъ иначе поступаетъ съ
поражаемымъ ею падучею немочію: она, по-
вергая мучащагося судорогами въ безчувствіе,
спрается по крайней мѣрѣ щадить его со
стороны ощущенія, и соболѣзнующаго надъ
несчастливымъ и упрекающаго природу въ лю-
тоспи, желаетъ вразумить и оправдать мѣ-
ры свои тѣмъ, что она, изъ необходимости,
по временамъ должна съ ожесточеніемъ во-
оружаться противъ кроющейся въ тѣлѣ
болѣзнетворной причины, и тѣмъ, если не
уничтожатъ, то по крайней мѣрѣ до поры
пришуплять остроту ея дѣйствія.

Если цѣлебная сила успѣваетъ востор-
жествовать надъ вредоносными причинами,

то она, спасши жизнь, разливаешь неизъяснимое удовольствіе у освободившагося отъ опаснаго недуга, какъ бы для того, чтобы сильнѣе впечатлѣть цѣну здоровья и необходимость сохраненія того, что имѣе и нужнѣе всего въ нашей жизни. Но если она видя свою слабость и невозможность преодолѣть болѣзнетворныя причины, то тайнственнымъ гласомъ предувѣдомляетъ болѣющего о необходимости поддаться велѣніямъ рока; и это опголосокъ ея словъ: нѣтъ — мнѣ не перенесеть болѣзни, мнѣ приходится умереть.

Одна цѣлебная сила, своею дѣятельностію, могуществомъ, противостоитъ и опирается многочисленные, многообразныя вредоносныя причины, посягающія на наше существованіе. Вообразите ихъ извнѣ грозящихъ намъ и усилющихся на наше здоровье (всѣ спихи); вообразите ихъ внутрь насъ возстающихъ и обуревающихъ плѣмя наше (всѣ спраспи)! И потому-то она обязана всякое мгновеніе спорозитъ первѣйшее наше благо, и употребляетъ всѣ возможныя мѣры къ сохраненію онаго. Вотъ почему она вдающихся въ развратъ, распутство, воздержаніе, изнѣженность, иногда медленно, иногда шибко, но всегда вѣрно расширяющія наше здоровье, то напоминаетъ по-

средствомъ совѣсти, по наказуемъ удрученіями духа и плѣа, не переславаая однако жъ усиливаться, хотя до поры, уничтожаешь, либо ослабляешь наступившія въ ономъ гибельныя слѣдствія пороковъ. Не можетъ она постоянно выдерживать чрезмѣрныхъ напряженій плѣсныхъ, и должна наконецъ испощаться; но нѣтъ сомнѣнія, что она, какъ бы зная требованія произвольной необходимости, и снисходя онымъ, попечительнѣе и могущественнѣе дѣйствуетъ у плѣхъ, кои должны переносить непрерывныя труды, выполнять тяжкія работы, выдерживать вліяніе стихій — и можно рѣшительно сказать, что съ усугубленіемъ усилій плѣсныхъ, и она усугубляетъ благошворную свою дѣятельность. Но опытность ясно говоритъ, что, дабы она въ состояніи была всегда дѣйствовать рѣшительно, мощно и вѣрно, необходимо потребны къ тому не столько внѣшнія, сколько внутреннія благопріятныя условія, — и преимущественно состояніе нашего духа, съ коимъ, безъ сомнѣнія, состоятъ она въ существенной связи — и даже имѣетъ сходство. И потому — по во всѣхъ ея предпріятіяхъ видимо дѣятельно соучаствуетъ, споспѣшествуетъ духъ, воскреляемый веселостію и самодовольствіемъ, управляемый въ пареніяхъ благоразуміемъ и поддерживаемый

добродѣтелями, которыхъ, такъ сказать, вос-
хищаетъ съ собою цѣлебную силу и достав-
ляетъ ей полную свободу и возможность прямо
спрешись къ своей цѣли (какъ при попут-
номъ вѣтрѣ въ Океанѣ корабль). Повѣрьте,
что я ни словъ, ни выраженій не нахожу,
для удостовѣренія васъ въ томъ, въ чемъ
насъ, врачей, практика ежедневно и очевид-
но убѣждаетъ: бурныя и длительныя смяте-
нія духа, какъ то: страхъ, горестъ, уныніе,
опечаленіе и тому подобныя, по произволу и
въ мгновеніе ока возобновляющіяся и прони-
кающія во всѣ наши внутренности, а съ
переходомъ въ привычку и какую-то необ-
ходимость, непрерывно преобладающія мрач-
ными, неизяснимо-упоминательными раздумья-
ми, докучающія поскливыми, несносными ощу-
щеніями, неизменно обуреваютъ и ослаб-
ляютъ благошворную дѣятельность цѣлебной
силы, уклоняютъ и переопредѣляютъ благодѣ-
тельные ея дѣйствія. И сколько разъ она
принуждена бываетъ преждевременно бороть-
ся съ оными неутомимыми внутренними не-
пріятелями здоровья, и безъ всякой сущест-
венной нужды и пользы истощаться и сла-
бѣть, — и наконецъ должна, въ случаѣ дѣй-
ствительнаго вторженія въ шло наше бо-
лѣзнетворныхъ причинъ, въ рапоборствѣ съ
ними изнемогать!

Если здоровье начинается въ самомъ дѣлѣ распроивавшись, то она, какъ бы желая насъ исподоволь пріугошовишь, заааовременно тревожными предчувствіями, возникающею, безъ явнаго поводу, шоскою, кручиною, (даже сновидѣніями), даетъ намъ знать о предстоящей необходимости, взявшись за важное дѣло — возстановленіе поколебленнаго здоровья. Начиная дѣйствовать рѣшительно, и предусматривая все съ свойственною ей дальновидностію, она, въ семъ крипическомъ предпріятіи, вызываетъ къ дѣятельному соучастію умъ и разсудокъ нашъ, внушаетъ намъ слушать ихъ опзывы и не подчиняться неопвязчивымъ прихотямъ и приспрастіямъ, возбуждаетъ въ насъ заботливостъ, таинственно указываетъ намъ средства и способы, нужныя къ поддержанію и усугубленію благошворныхъ ея дѣйствій; — въ опасномъ случаѣ понуждаетъ насъ искать помощи, особенно у тѣхъ, кои пріобрѣли опытностію знаніе, и пишають къ нимъ довѣріе, уговариваетъ имѣть упованіе на Всемогущаго, опраду и утѣшеніе въ Вѣрѣ, вооружиться терпѣніемъ, и памятовать, что на все требуется время, и что мѣры ааодѣпельной природы, хотя пѣжки, но мощны и спасительны; — въ крайности, она, объясняясь чрезъ шомные взоры наши и умильное лице, без-

молвно выражаетъ свое изнеможеніе, неизбежность опасности, необходимость скорой помощи въѣшней; — въ опчаянномъ положеніи, она, утишая бурное волненіе организма нашего, успокаивая смященіе силъ онаго, поспешенно усыпляетъ чувствованія и самопознаніе наше, и приводя до какого-то несповѣдимо довольнаго забытія самого себя, — непримѣтно приуготовляетъ плѣо наше къ предопредѣленной правосуднымъ Промысломъ Божиимъ разлукѣ съ душою.

Не распространяясь въ поясненіи косвенныхъ ея дѣйствій, наприм. врожденной нашей заботливости о жизни и здоровьѣ, страхъ и ужасъ при наступленіи повальныхъ болѣзней, наклонности и охотѣ судить объ недугахъ, прелепѣ и поскѣ во внезапныхъ опасностяхъ, содроганіи при внезапной встрѣчѣ съ оными, мимовольномъ управленіи членами, при паденіи, защищеніи, и п. д., и п. д., — скажу, что сей силѣ Всевышнимъ повелѣно, по непреложнымъ и ей только существенно извѣстнымъ законамъ, блюсти и сохранять совершеннѣйшее Его созданіе — предопредѣленное Имъ къ превыспреннѣйшей и важнѣйшей во вселенной цѣли — изящнѣйшій организмъ челоука по истинѣ сущій образчикъ всего мірозданія. Созерцая важность и необходимость сего назначенія, и по сообра-

женіямъ нашего разсудка выходитьъ, что не чему иному, какъ такой уполномоченной все-благимъ Промысломъ силѣ слѣдовало съ надежною довѣренностію поручить цѣлость — впрочемъ брѣннаго нашего плѣла — составляющаго само по себѣ многосложнѣйшій міръ — и состоящаго съ механизмомъ всея вселенныя въ существенной связи — и, какъ звѣно въ ономъ, часть всего вещества — зависимости.

И что же было бы съ нашимъ здоровьемъ и жизнію, если бѣ оно оставлено было на произволь случайностей; если бѣ вредности и болѣзненосныя причины безпрепятственно впоргались въ наше плѣло, безъ усмиренія буйствовали и неистовствовали? если бѣ наслоящая обязанность цѣлебной силы возложена была на волю и разсудокъ нашъ? если бы оную выполняли они только по своимъ соображеніямъ, и если бы ими опыскиваемыми и употребляемыми средствами и способами сохранялась жизнь и возстановлялось здоровье? Вошь тогда бы, по всей справедливости, слѣдовало намъ сътовашъ, грустить, опечаваться при наступленіи и развитіи болѣзней. Но всеблагое, всемогущее, всеправедное Провидѣніе все нужное, необходимое для нашего бытія, предвидѣло, распорядило, устроило и упрочило. И такъ цѣлебная сила, одна соотвѣтственный-

шая временному нашему на землѣ существованію, одна снабжена для сей цѣли доспапочноыми свойствами (какъ явспвуесть изъ, ея дѣйствій), одна существенно вѣдаетъ время и порядокъ, средства и способы воздвигать разспроившееся здоровье; въ основныхъ же своихъ дѣйствіяхъ, руководствуется *одними* непремѣнными законами и, безъ всякаго сомнѣнія, въ сущности простыми. Слѣдовательно она, въ *одной и той же* цѣли, во всемъ родѣ человеческомъ поступаетъ однообразно. Вопрь почему и одна изъ обыкновеннѣйшихъ мѣръ, употребляемыхъ природою во всѣхъ человеческихъ племенахъ и во всѣхъ состояніяхъ въ обществѣ: если произошли безпорядки (напр. опъ простуды) въ тѣлѣ, то цѣлебная сила, для возстановленія въ ономъ порядка (въ оправленіи испарины), должна произвести въ тѣлѣ перемѣны и перевороты (лихорадку), которыя сопустствуются болѣзненными ощущеніями (ознобъ, жаръ, жажда и ш. д.) и явленіями (красное лице, сухость языка, неспокойный сонъ и ш. д.), которыя обнаруживаютъ дѣятельность цѣлебной силы (проптивъ задержанной испарины), кончащей свой процессъ въ определенное время (на 7 день) тѣмъ, что появляются крипическія изверженія (потъ). Изъ сего явспвуесть, что для возстановленія нарушеннаго здоровья, нужна

болѣзнь: — слѣдовательно болѣзнь — въ строгомъ и существенномъ смыслѣ — есть первое, основное цѣлебное средство природы — по нашему обыкновенному выраженію — лекарство; и это аксіома.

Конечно, такое благовидное понятіе о болѣзни, равно какъ и то, что природа, не взирая на наши спираданія и мученія, и не внемля воплямъ и спонамъ нашимъ, употребляетъ споль жестокія мѣры къ достиженію желанной благопворной цѣли, покажется страннымъ и неудобопонятнымъ; но не смотря на невозможность проникнуть въ таковую сокровенную необходимость, по вѣрно, что цѣлебная сила, во всѣхъ своихъ усиліяхъ и процессахъ, дѣйствуетъ неослабно, рѣшительно, и поступаетъ основательно, благонамѣренно. Она одинаково занимается важнымъ своимъ предпріятіемъ — уничтоженіемъ дѣйствій болѣзневпворныхъ причинъ и ихъ произведеній — какъ въ перемежающихся и простудныхъ лихорадкахъ, такъ и въ чумныхъ, гнилыхъ и нервныхъ горячкахъ, съ тою только разницею, что въ первыхъ она оплчается правильною и постепенною дѣятельностію, въ послѣднихъ выказывается быспрою, рѣшительною и суесловною. Во всѣхъ случаяхъ, если она успѣваетъ въ своихъ операціяхъ, то вопреки не-

благопріятнымъ обстоятельствомъ, очевиднымъ опасностямъ, она испоргается, какъ говорится, изъ челюстей смерти, и не оставляетъ на произволъ судьбы; въ противномъ случаѣ, вопреки усиліямъ искусства и стараній, конецъ жизни неизбеженъ. И потому-то основательно говорятъ: предоставишь болѣзнь напурѣ; надежда еще на напуру; нѣтъ, и напура уже не дѣйствуетъ.

12 Октября.

П — фъ.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Весенній вѣтерокъ! о сколь ты сладко вѣешь!
Своей цѣлебною, небесной теплотой
Ты охладѣвшее опъ бурь мнѣ сердце грѣешь,
И оживляешь духъ опрадой неземной!

* * *

Съ дыханіемъ своимъ душѣ моей явилась
Подруга юности, волшебная мечта:
Картина прежняго въ умѣ возобновилась!
Воскреснули давно погибшія лѣта!

* * *

И все забытое мнѣ вновь знакомымъ спало!
 Ниспала мрачная съ природы пелена,
 И солнце прежнее на небѣ засіяло!
 И прежней радостью вселенная полна!

* * *

О свѣшлый духъ любви! изъ звѣзднаго чертога
 Ты лучъ невидимый послалъ душѣ моей —
 И стихнула въ груди мятежныхъ думъ тревога;
 Умолкнулъ въ сердцѣ гласъ бунтующихъ спрасей!

* * *

Міръ Божій мнѣ опять прелестнымъ показался;
 И снова ближній мой, какъ въ дѣшествѣ, былъ мнѣ
 другъ...
 Ахъ, какъ я благостью Творца тогда пѣнялся!
 Съ какой любовію парилъ горѣ мой духъ!

* * *

Гдѣ жъ вы, любезныя, сокрылись, наслажденья;
 Восторги сладкіе невинности свяшой?
 Гдѣ чистой радости живыя впечатлѣнья? —
 Исчезнули, какъ лучъ на западѣ златой!

* * *

Наспала ночь суешь, забошь и скорбей міра!
 И сердце хладъ жестокой оковалъ!
 Едва вспорхнешь душа, едва разыграешь лира —
 И снова хлынешь въ грудь шоски свинцовый валъ!

* * *

О, спящіе въ гробахъ! свой кровъ благословляйте,
 Какъ пристань тихую отъ бурей и вѣтровъ!
 Въ спокойствіи сладостномъ и мирномъ почивайте,
 Доколь не воззоветъ отъ сна Отецъ вѣковъ!

* * *

Тогда душа опять для счастья проснется;
 Восторги закипятъ въ заспавнувшей крови;
 Вновь сердце съ радостью младенческой забьется...
 И вступимъ навсегда подъ тѣнь святой любви!

И. Калашниковъ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Король прибылъ 17-го Іюня въ Люневиль, а 19-го въ Страсбургъ. Вездѣ народъ встрѣчаетъ его съ изъявленіемъ любви и приверженности.

Въ теченіе дня и вечера 15 ч. были еще многочисленныя скопища народа въ улицѣ Сень-Дени и въ окрестностяхъ оной. 17-го числа рано упрямъ собралось опять немного любопытныхъ около засавы Сень-Дени; но по увѣщанію городского и полицейскаго начальствъ они разошлись; нѣсколько непослушныхъ задержано. Во весь день достаточнo было власти гражданскихъ чиновниковъ для предупрежденія скопищъ. Къ вечеру около 200 буюковъ явились на площади предъ Пале-Роялемъ, схватили развѣвающееся предъ кофейнымъ домомъ знамя, и по видимому, хотѣли итти къ каруселю; но батальонъ пѣхоты загородилъ имъ

дорогу, а отряды драгуновъ и гусаръ прогнали ихъ въ улицу Траверсьеръ, гдѣ они наконецъ разстались. Спокойствіе послѣ того вездѣ возстановилось.

Не смотря на замѣшательства, причиняемыя врагами общественнаго порядка, Полиція продолжаетъ усердно дѣйствовать, и охраняетъ безопасность лицъ и имуществъ. Съ нѣкотораго времени производила въ Парижѣ значительныя кражи шайка дерзкихъ и отчаянныхъ воровъ. Они захвачены.

По письму изъ Бреста, отъ 15-го Іюня, приведены въ тамошній портъ четыре Португальскіе приза; въ томъ числѣ 22-хъ пушечный фрегатъ Уранія.

Говоряшъ, что Донъ-Педро поѣдетъ изъ Кана въ Сень-Жермень-анъ-Лей, и будетъ жить въ тамошнемъ замкѣ, въ которомъ скончался Англіійскій Король Іаковъ II.

Судя по наружности, въ Парижѣ теперь все совершенно спокойно, и хотя извѣстный классъ республиканцевъ явно говоритъ о новомъ переворотѣ, который долженъ начаться 27 Іюля, но опасаться нѣчего.

Полагають, что Г-нъ Персевадь назначенъ будетъ Посломъ въ Константинополь, на мѣсто Графа Гильемино.

Съ 21 числа началась въ Парижѣ раздача знаменъ отпущенія Іюля мѣсяца, тѣмъ, которые дають предписанную присягу.

Шуаны въ Вандѣ буйствуютъ болѣе, нежели прежде. Они обезоружили приходы Шанглу, Лашурландри, Трементинъ, Жобандьеръ, Жалле, Шандронъ, Пуашвиньеръ и другіе. Жители селъ

въ безпрестанномъ страхѣ отъ посѣщенія сихъ незваныхъ гостей, и едва осмѣливаются выходить изъ домовъ.

Король прибылъ 21-го числа въ Кольмаръ, а 22-го въ Мюльгаузенъ. 30-го числа будетъ онъ въ Сентъ-Клу; 2-го Іюля поѣдетъ въ Медонъ и Фоншенебло, и 3-го возвратится, по предположенію своему, въ Парижъ.

Въ ночи съ 15-го по 16-е многіе Испанскіе выходцы и бродяги, съ оружіемъ въ рукахъ, ворвались въ Испанію. Командующій въ департаментѣ Генераль приказалъ усиливъ Французскіе форпосты, чтобы наблюдать за сими искашелями заключеній.

Палаты созываются къ 23 Іюля, вмѣсто 9 Августа.

Назначенная Хранителемъ Печати Коммиссія для разсмотрѣнія Уголовнаго Уложенія и Судопроизводства, окончила свои труды, и сообщила напечатанный свой отчетъ Судамъ для одобренія ихъ мнѣнія.

Для прекращенія безпорядковъ въ Вандеѣ и въ Бретани, Правительство послало маршруты разнымъ полкамъ, кошорые пойдутъ въ Анжеръ, Лаваль, Ніоръ, Манъ, Алансонъ и Сентъ-Жанъ д'Анжели.

Морскую дивизію, подъ начальствомъ Компръ-Адмирала Гюгона, встрѣтили, 15 Іюня, въ 45 миляхъ на западъ отъ Тулона: она шла къ западу.

А н г л и я.

Кромѣ 12 кораблей, готовыхъ выйти въ море, вооружаются еще слѣдующіе: Снарсіанъ 76 пушъ;

Рояль Джорджъ, 120 пуш.; Самарангъ, Рапплеснекъ и Твидъ, 28 пуш.; Чильдеръ и Викшоръ, 18 пуш.; Рекрюйтъ и Харибда, 10 пушечные.

Увѣряють, что однимъ изъ первыхъ трудовъ преобразованнаго Парламента будетъ пересмотръ Уголовнаго Уложенія.

Вчерашняго числа открыты засѣданія Парламента рѣчью Короля.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна оправила въ Сидмутъ, гдѣ намѣрена пребыть нѣсколько мѣсяцевъ.

Герцогиня Горшензія Сентъ-Лѣ съ сыномъ своимъ, Принцемъ Лудсъикомъ Наполеономъ Бонапарте, вшорымъ сыномъ Лудовика Бонапарте, прибыла въ Лондонъ, гдѣ находились также и сынъ Мюрата, Ахиллъ. Бонапарте и Мюратъ посѣщали Лорда Грея.

Король пожаловалъ орденъ Подвязки Герцогу Брауншвейгскому.

Послѣднія извѣстія изъ Графства Кларскаго весьма благопріятны.

18-го числа, въ день сраженія при Ватерло, Герцогъ Веллингтонъ давалъ большой обѣдъ Королю, Генераламъ и офицерамъ, участвовавшимъ въ семъ сраженіи.

23-го Іюня н. сп. акціонеры Остъ-Индской Компаніи имѣли общее собраніе, подъ предѣлательствомъ Г-на Кампбеля; онъ объявилъ, что за половину года, оканчивающуюся 5-го Іюля, причисляется въ раздѣлъ по 5½ процентомъ. Директоры Компаніи получили отъ Орашора Ниж-

ней Палаты конію съ опредѣленія оной, въ силу коего должная еще Компаніи сумма 1,207,559 ф. ш., будетъ уплачена 22-го Апрѣля 1854.

Повелѣніемъ Тайнаго Совѣща запрещенъ ввозъ шерстянаго пряпья въ Соединенное Королевство; ввозъ льнянаго позволенъ съ свидѣтельствами о томъ, что оное пряпье вымыто или очищено другимъ образомъ.

Верхняя Палата собралась 22-го числа только для поднесенія Королю адреса; собраніе было многочислениѣ, нежели когда либо въ подобномъ случаѣ. Въ засѣданіи 23-го числа, Лордъ-Канцлеръ объявилъ, что адресъ Королю поднесенъ, и сообщилъ на оный отвѣтъ Е. В.

Билль о преобразованіи Парламента, предложенный Лордомъ Русселемъ Нижней Палатѣ въ засѣданіи 24-го числа, прочитанъ въ ономъ въ первый разъ; второе чтеніе назначено 4-го Іюля.

— Король назначилъ, подъ предсѣдательствомъ Лейбъ-Медика своего, Сира Г. Гальфорда, Коммисію для принятія мѣръ противъ внесенія холеры.

Нидерланды.

Въ Антверпенѣ надѣются, что за продолжавшимся пять дней волненіемъ послѣдуетъ спокойствіе; не смотря на то, городъ представляетъ мрачное зрѣлище.

19-го Іюня, Е. В. Король, Ихъ Высочества Принцъ и Принцесса Оранскіе съ обоими сыновьями присутствовали при Богослуженіи, въ воспоминаніе побѣды при Ватерло. Знамена и флаги развѣвались въ городѣ, и былъ церковный парадъ

въ коемъ находились всѣ пребывающія здѣсь войска.

22-го Юня получено въ Брюссель извѣстіе, что Принцъ Леопольдъ принялъ Бельгійскую корону; онъ объявилъ, что готовъ присягнуть въ сохраненіи установленнаго образа Правленія, и защищать границы Бельгіи, если сіе будетъ нужно.

Гага, 27-го Юня. н. сп. Ея Императорское Высочество Принцесса Оранская переехала на дняхъ въ приготовленный для нея домъ въ Схевенингенѣ, гдѣ ежедневно употребляетъ морскія ванны.

Г р е ц і я.

О политическихъ движеніяхъ въ Греціи говорятъ, что волненіе сильно, что довѣренность къ Президенту и его правленію поколебалась, и почищаютъ неизбежнымъ переворотъ. Всѣ острова безъ исключенія отослали обратно Правительству Епарховъ, и такимъ образомъ пока опложились опъ Президентъ.

Турки очисти́ли Акрополисъ, вывезли и продали всѣ пушки и снаряды. Продажа земель идетъ быстро. Всѣ стремятся туда, потому что Аѳины будутъ мѣстопребываніемъ Правительства. Въ числѣ знасныхъ иностранцевъ, купившихъ значительные участки земель, называютъ Генеральныхъ Консуловъ Россійскаго и Австрійскаго, Адмирала Малькольма, Лорда Фидея, и изъ Грековъ: Міаули, Ризо, Ризопуло.

Т у р ц і я.

Мустафа Паша заперся въ Скушари, и старается записать провіантомъ и привести

городъ въ сильное оборонительное положеніе. Между тѣмъ Верховный Визирь послалъ значительный корпусъ войска противъ Албанскихъ мятежниковъ, собравшихся близъ Горцы, подъ начальствомъ сына Селигдаря Поды, и уже получилъ извѣстіе, что мятежники разбины и разсѣяны; четверо начальниковъ ихъ взяты въ плѣнъ и присланы къ нему. Они казнены въ Монастырѣ; въ числѣ ихъ находился Гассанъ-Бей, племянникъ Кіал-Бей Визиря, а Дели Яссо, сынъ Селигдаря Поды, бѣжалъ въ замокъ отца своего, стоящій на неприступной горѣ и снабженный припасами на нѣсколько лѣтъ. Въ Монастырѣ ежедневно приходивъ опряды посылаемыхъ къ Визиру изъ Адрианополя подкрѣпленій, такъ, что онъ можетъ опрядить значительный корпусъ для усмиренія Босняковъ.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

По извѣстіямъ изъ Санъ-Мигуэля, на большей части Азорскихъ острововъ развѣвающа знамена Доны Маріи. Не смотря на бдительность Французской эскадры, въ Лиссабонъ вошелъ одинъ бриггъ.

Правительства Областей Перу и Боливій приготавливаются къ войнѣ. Перуанская армія, подъ начальствомъ Генерала Гамары, приблизилась уже къ границамъ. Боливійскою арміею командуетъ Президентъ Республики, Генералъ Санша-Крусъ.

Участъ Ишаліянскихъ бѣглецовъ, захваченныхъ Австрийцами предъ Анконою, и привезен-

ныхъ въ Венецію, рѣшена: по желанію ихъ, будутъ они отправлены во Францію.

— Изъ Багіи пишутъ отъ 23-го Апрѣля, что суда прибылъ изъ Ріо-Жанейро новый Президентъ, который немедленно провозгласилъ Императоромъ Дона Педро II. Прежній Президентъ и жившіе въ городѣ Португальцы бѣжали на корабли; новый Президентъ пригласилъ ихъ возвращаться, увѣряя въ неприкосновенности ихъ лицъ и имуществъ.

— Въ прошедшемъ году, въ Вашингтонѣ заключена между Австріею и Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами торговая и мореплавательная конвенція, основанная на правилахъ совершенной взаимности. Ратификаціи оной размѣнены 10-го Февраля нынѣшняго года.

— Императоръ Донъ Педро прибылъ 23-го числа изъ Руана въ Кале, и отправился отсюда въ Англію.

— Герцогиня Беррійская прибыла въ Майнцъ, подъ самымъ спрогимъ инкогнито и подъ именемъ Графини Саганской; она остановилась въ трактирѣ Парижъ, и 24-го Іюня поѣхала далѣе въ Мангеймъ; въ этотъ же день ожидали въ Майнцѣ Герцога Англемскаго и Герцога Бласса.

VI.

С М Ъ С Ъ.

Литературныя замѣчанія.

У насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность Рецензентовъ. Нынѣ, какъ кажется, сія качества Аристарховъ нашей Словесности дошли до крайней степени, и должны возбудить негодованіе во всѣхъ любителяхъ Литературы благородной и благонамѣренной. Говоря о злоупотребленіяхъ журнальныхъ, я разумѣю критическія статьи издаваемаго въ Москвѣ Телескопа. Безвкусіе, отсутствіе мыслей, площадничность и гаерство выраженій, явныя выдумки, безоглядная ненависть къ палантамъ — суть отличительныя черты пакъ называемыхъ рецензій сего Журнала, безславящихъ нашу Словесность.

Нетрудно понять, что Писатель, раскрытикованный, обиженный другимъ Писателемъ, становится его врагомъ литературнымъ, и усиливается униженіемъ противника доказать публикѣ свое надъ нимъ превосходство. Слабость извинительная! Но что сказать о томъ Журналистѣ, который, не имѣвъ ни какихъ непріязненныхъ сношеній съ Литераторомъ, испытавъ даже на самомъ себѣ его доброжелательство, избираетъ его предметомъ своей злобы и брани, преслѣдуетъ его на каждомъ шагу, старается оскорбить, унижить, одурачить предъ публикою — и кого? Какого нибудь жалкаго бумагомарате-

ля? Нѣтъ! человѣка, который своими талантами и трудами приноситъ честь своимъ согражданамъ, который обратилъ ими на себя вниманіе первыхъ особъ въ Государствѣ, который и въ чужихъ краяхъ пріобрѣлъ славу, падающую на всю Русскую Литературу вообще!

Читатели догадаются, что дѣло идетъ о сочиненіяхъ О. В. Булгарина. Товарищъ мой не состоишь ни въ какихъ сношеніяхъ съ Издателемъ Телескопа, вовсе его не знаетъ, никогда его не видалъ, не писалъ о немъ ничего дурнаго; напрошивъ того, извѣщая публику (въ № Сѣв. Пчелы 1830 года) о новыхъ Журналахъ, опоздался о программѣ Телескопа съ похвалою (*). При всемъ томъ онъ сдѣлался мишенью, въ копіюру Издатель Телескопа направляетъ свои—не стрѣлы, а полѣнья.

(*) Издатель Телескопа, какъ догадываюсь, негодуешь за непомѣщеніе его программы *цѣликомъ* въ Сѣв. Пчелѣ; но мы этого не могли и не смѣли сдѣлать, ибо печатаемъ объявленія только о тѣхъ Журналахъ, конхъ Издатели намъ извѣстны. Получивъ же программу Телескопа, мы полагали, что и самое прозвище Издателя вымышленное, и потому должны были ограничиться извѣщеніемъ публики о Телескопѣ въ общемъ обзорѣ Журналовъ. Не пробившись въ Пчелу съ объявленіемъ своимъ, Издатель Телескопа хотѣлъ заставивъ ее говорить о немъ, но крайней мѣрѣ въ аннотировкахъ, ибо и это средство не послѣднее для того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ. Но и оно не удалось: Пчела молчитъ и всегда будетъ молчать о Телескопѣ. Впрочемъ врядъ ли напечатаніе объявленія избавило бы насъ отъ ругательствъ Журналиста. Господа сего покроя въ Ноябрь и въ Декабрь выпрашиваютъ себя мѣсячко въ Пчелѣ, а съ Января начинаютъ бранить ея. Это литературная благодарность. Г.

Нѣтъ нумера Телескопа, или его спутницы, Молвы, въ которыхъ не былъ бы задѣтъ или по-браненъ О. В. Булгаринъ. Читайтелямъ Свѣд. Пчелы и Сына Отечества извѣстно, что на всѣ эти выходки и брани не отвѣчалъ онъ ни спрочно, ни словомъ. Казалось, это должно было бы приутишить злобу неутомимаго наездника? Нѣтъ! Нынѣ, въ 9-й книжкѣ Телескопа, она разразилась съ большею противъ прежняго яростію въ рецензіи на новый Романъ Булгарина: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*.

Романъ сей напечатанъ и продается. Слишкомъ двѣ тысячи нѣтъ сомнѣній экземпляровъ его находящіяся въ рукахъ читающей публики. Всякъ, кто заплашилъ Заикину 15 р., можетъ судить о Выжигинѣ, какъ о своей собственности. Такъ поспушили Н. А. Полевой. Онъ прочиталъ Романъ, нашелъ его не по своему вкусу, и безъ закрытія высказалъ свое мнѣніе (въ 6 книжкѣ Телеграфа), объявилъ, что Авторъ писалъ и впредь можетъ писать лучше, и что публика ожидаетъ отъ него другихъ произведеній, которыхъ заспавили бы забытъ этотъ Романъ. Между тѣмъ оцѣнилъ онъ справедливость слогу и нѣкоторымъ сценамъ, въ коихъ видѣтъ Булгаринъ. Приговоръ сей можетъ быть непріятенъ для самолюбія *Автора*, можетъ быть одностороненъ несправедливъ; но чловѣкъ, гражданинъ, Императоръ обидѣться имъ не можетъ. Въ то же время появилось сужденіе о новомъ Выжигинѣ въ 9-й книжкѣ Телескопа. Тамъ взяли двѣ главнѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ, и выписки изъ нихъ смѣшали съ выдержками изъ Романа Булгарина, приправили

все это самыми площадными и низкими ругательствами, и такимъ образомъ рѣшили достоинство новаго сочиненія. Этому не довольно. Вывели вновь на сцену прежняго Выжигина, и спали надъ нимъ издѣвались, острипься и тупипься. Эти несчастные не постигаютъ, какую пользу Иванъ Выжигинъ принесъ нашей читающей публикѣ. Въ семь Романъ выставлены не карикатуры, а вѣрные изображенія среднихъ классовъ нашего общества, космѣющаго въ веригахъ непросвѣщенія и всѣхъ происходящихъ отъ того недоспашковъ и пороковъ. Именно то свидѣтельствуетъ въ истинѣ и вѣрности наблюдений и картинъ нашего Автора, что книга его разошлась въ публикѣ средняго состоянія. Польза отъ сего чтенія очевидна, и только одна закоснѣлая невѣжественная зависль можетъ утверждать противное. Смѣшно, что нѣкоторые наши Крипики, какой нибудь приглашенный кваскомъ семинаристъ, или крещенный въ чернилахъ канцелярскій чиновникъ, съ гордостію и чванствомъ вступающа за права высшей публики по тону и образованію, и ея именемъ изрекають проклятіе картинамъ народнымъ! *Мы сбили! мы рѣшили!*

Иванъ Выжигинъ, обративъ на себя вниманіе публики нашей, пріохотилъ ее къ чтенію, и проложилъ путь другимъ Романамъ. Не говорю, чѣмъ въ немъ все было совершенно, чѣмъ онъ былъ произведеніемъ образцовымъ, единственнымъ; но въ нынѣшнемъ состояніи нашей Литературы, Романъ сей есть *относительно* явленіе пріятное и полезное. Повторяю: самое то, что его читають въ среднемъ и низшемъ классахъ, служиль

ему въ похвалу, а не въ порицаніе. Для высшей нашей публики пишутъ Викторъ Гюго, Альфредъ де Виньи, Вальтеръ-Скоттъ, Бальзакъ; да она и такова, что сама не представляетъ картинъ оригинальныхъ. Но за что такъ жестоко нападаютъ на Выжигина и на его Автора? Это рѣшить не трудно. Авторъ Выжигина въ то же время есть Журналистъ, и въ семъ званіи долженъ былъ разсердиться всѣхъ безпаланныхъ, безшолоковыхъ и безграмотныхъ Литераторовъ. Сверхъ того, сего Романа продано слишкомъ семь тысячъ экземпляровъ! Позволишьмо ли это?

Побранивъ порядкомъ Ивана Ивановича, Рецензентъ нападаетъ на Петра. — Бранитъ немилосердо, а самъ луснословитъ еще немилосердѣе. Вотъ, въ чемъ онъ обвиняетъ новый Романъ: „Ему (Автору, неизвѣстны самыя главные обстоятельства священной отечественной войны, ибо онъ называетъ Князя Кутузова Свѣтлѣйшимъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ, когда онъ былъ еще только Графомъ. Онъ не знаетъ Русскихъ нравовъ и обычаевъ, поелику заставляешь солдатъ чинить наизусть подробныя реляціи о сраженіяхъ, коихъ цѣлостъ составляетъ всегда тайну Главнокомандующаго вождя; выводитъ Священника въ полномъ облаченіи изъ дому, тогда, какъ полное облаченіе употребляется только въ церкви, при литургіи; ридитъ бѣжавшаго Секретаря, на деревенской сходкѣ, въ треугольную шляпу и бѣлое исподнее плащье, употребляемое только при парадныхъ казусахъ и въ городѣ. Наконецъ онъ идетъ совершенно вопреки Русскому духу, ибо результатомъ всей его безжизненной жизни есть положеніе, что гласъ народа, на перекоръ искон-

ной Русской пословицы, не есть гласъ Божій! Положеніе ложное, и выгодное развѣ только для фамиліи Выжигиныхъ !“

И вопъ всѣ вины, на основаніи коихъ произнесенъ ругательный приговоръ надъ новымъ Романомъ! Постараемся доказать нашимъ чинашелямъ, что если можно и должно крипиковать Петра Ивановича Выжигина, то не Издашелю Телескопа: бѣдный спотыкается на каждомъ шагу.

Во-первыхъ: Обстоятельства опечесивенной войны извѣстны Автору Романа гораздо лучше, нежели его Рецензеншу: Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ - Кушуровъ возведенъ въ Княжеское Россійской Имперіи достоинство въ концѣ Іюля 1812 года (см. № 61 Сѣв. Почты, 31 Іюля 1812.) Следсивенно за мѣсяць до Бородинскаго сраженія. Правда ли? (*)

Во-вторыхъ: Планъ сраженія до исполненія *оного* составляетъ пайну Главнокомандующаго, а не самое сраженіе. По окончаніи боя все извѣстно всякому, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Въ Романѣ Булгарина солдашъ толкующъ о томъ, что видѣли и слышали. Это бываетъ ежедневно, никому не удивительно и иначе бытъ не можеть.

(*) Въ новомъ Романѣ Рославлевъ, (передъ которымъ Издашелю Телескопа распрянулся плащомъ, поспрашивая косичкою), Генералъ Милорадовичъ названъ Графомъ въ Тарушинскомъ лагерѣ, а онъ получилъ Графское достоинство въ 1813 году. Зачѣмъ Рецензеншъ не замѣтилъ этого? Правда, что эпошъ анахронизмъ не опнимаемъ достоинства у Романа Г. Загоскина; но позволимъ ли обвинять одного Автора въ ошибку, которой у него нѣтъ, осматривая у другаго безъ замѣчанія подобную ошибку, въ которую онъ впалъ дѣйствительно?

Въ-третьихъ: Въ сужденіяхъ о рлсахъ, купъ и ш. п. предоспаваемъ мы охотно первенство нашему Рецензенту: ученому и кийги въ руки. Только замѣшимъ, что Священникъ, въ упоминаемомъ мѣстѣ, вышелъ изъ дому не въ госпни и не въ поле, а на встрѣчу подступающему непріятелю, вышелъ со крестомъ и святою водою.

Въ-четвертыхъ: Рецензентъ хочеть выставить, что Авторъ Романа нарядилъ бѣлаго Секретаря щеголемъ. Нѣтъ! Секретарь выходитъ изъ дому въ стамскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной бурой шляпѣ, со шпайгой, въ бѣломъ *изношенномъ* исподнемъ платьѣ и въ сапогахъ до коленъ. И будто этого бытъ не могло? Извѣстно, что впадшіе въ бѣдность люди сперва изнашиваютъ свое ординарное платье, а потомъ уже ходятъ въ парадномъ, которое шѣмъ карикатурнѣе, чѣмъ нарядиѣ оно было выкроено. Это именно замѣчательная черта народныхъ костюмовъ.

Въ-пятыхъ: Пословица: *гласъ народа гласъ Божій*, не есть коренная Русская, а переведена съ Латинской (*Vox populi vox Dei*). Она вошла въ Русскій языкъ путемъ книжнымъ, и народною никогда не бывала. Г. Булгаринъ, какъ должно честному человѣку, возстаетъ противъ ея приложенія, отдавая справедливость памяти Полководца, которому благодарное потомство воздвигаетъ монументъ, но котораго современная толпа провозгласила было предателемъ и трусомъ. Голосъ толпы никогда не можетъ быть голосомъ правды и благоразумія. Не говоря уже о томъ, что на этомъ голосѣ основано правило *самодержавія народовъ*, пагубное начало и первая причина всѣхъ нынѣшнихъ неустройствъ въ Европѣ, спрошу: можно ли, напримѣръ, лечить отъ холеры *по голосу народа*? Еще спросите у народа: что ходитъ, солнце или земля? хорошо ли, когда тринадцать человѣкъ слѣдутъ за столъ? и ш. п. А все это *голосъ народа*! — И Телескопъ называется *Журналомъ современнаго просвѣщенія*!

Покойный В. Л. Пушкинъ сказалъ гдѣ-то:

„Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ издается пріятно и свободно.“

Въ семъ дикшонѣ заключается рѣшеніе вопроса, оцѣ чего многіе пишутъ у насъ дурно, нескладно и низко. Статья о Романѣ Булгарина написана слогомъ, котораго постыдился бы всякій человѣкъ, нѣсколько образованный. Не говоримъ о фразахъ и періодахъ, о спранныхъ и неправильныхъ выраженіяхъ (коему у насъ не бывало *подобныхъ припирокъ*, Рославлевъ будетъ вторымъ *экземпляркомъ* Юрія, *щербень* подручныхъ обстоятельствъ, *куролесить* во всю Ивановскую, *охаятъ* дураками, *сорванецъ*, *пройдоха*, *фалля*, *ротозый*, Русскіе *смагиваютъ* своею кровью путь Наполеону въ сердце ошечества и пр и пр.), приведемъ въ примѣръ благородства выраженій Рецензента одно мѣсто: „Русскій народъ любитъ *показать изъ кармана фигу* дурачеству, конхъ явно осуждашь не смѣешь!“

И вотъ какъ пишутъ люди, принимающіе на себя обязанность быть представителями современнаго просвѣщенія!

На сіе возразятъ, можешь быть: „это особеннѣе слога, это слабости, въ которыхъ впасъ можешь, въ бреду изступленія, человѣкъ умный и свѣдущій.“ Въшь! это просто невѣжество, безвкусіе, незнаніе приличій и неуваженіе къ публикѣ. Познанія и ученость Издателя Телескона проявляются и въ другихъ статьяхъ. Въъемъ въ примѣръ помѣщенію въ этой же книжкѣ Телескона статью: *Лейпцигская Пасхальная книжная ярманка*, переведенную изъ *Literaturblatt*, издаваемого при Газетѣ *Morgenblatt*. Мы удостовѣримся въ познаніяхъ Издателя.

Вотъ какъ онъ переводитъ:

Подл. Es ist gewiß, daß seitdem so unsäglich viel geschrieben wird, die gründliche und feine Bildung in Deutschland abgenommen hat.

Пер. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ все пишущее записало съ такимъ не-

обузданнымъ рвеніемъ, основательное и дѣльное образованіе *остановилось* въ Германіи.“

Что значить: все пишущее *записало*? Въ подлинникѣ сказано просто: „съ тѣхъ поръ, какъ въ Германіи пишушъ такъ несказанно много.“ *Zeit* значить *дѣльное*? Дѣльно! — *Abgekommen* — *остановилось*! Остановись, прохожій!

Подл. *Unsere gänzlich demoralisirte öffentliche Meinung.* — Перев. „Совершенная безправственность общаго мнѣнія *допускаетъ недостойныя имена блистать* въ ряду Кориѳеевъ Словесности.“ *Demoralisirt* опіюдь не значить *безправственный*. Допускаешь имена блистать — это по-каковски?

Подл. *Ohne daß die höhere Wissenschaft und Kunst dadurch gefördert wird.* Пер. „Науки и Искусства ни сколько не *раздвигаются* въ своихъ предѣлахъ.“

Въ численіи дурныхъ сочиненій Переводчикъ прибавилъ оцѣ себя: „Эти мечшательныя теоріи, въ коихъ смыслъ заглушается тяжестью словъ.“ Онъ конечно разумѣлъ подъ симъ выпрепнюю статью, которою начался Телескопъ; новъ подлинникъ этого нѣтъ, и онъ напрасно пеняешь на Автора, который безъ сомнѣнія не читалъ Телескопа.

Belletristische Klatschblätter — переведено: „*листы, наполненные беллетристическою мишурою*“, а значить это: „*литературные листки, наполненные сплетнями*.“

Подл. *Man sagt, daß deutsche Individuum im kleinen sey unpraktisch, daß deutsche Volk im Großen ist es noch mehr.* Пер. „Говоряшъ, что Нѣмецъ въ частной жизни не имѣетъ способности пользоваться самимъ собою; Нѣмецкая нація гораздо неспособнѣе къ тому въ жизни общественной.“ То ли это?

Подл. *Das Papier ist nur im fünf von hundert gefallen.* Пер.: „Слѣдовательно *бумага* упала только по пяти на сто.“ Не *бумага*, а *курсъ*.

Spiele значить не игрушки, а *игры* (карточныя и т. п.) Игрушки, называющіяся по Нѣмецки *Spielwerk, Spielzeug*.

„Мы бы охотно взялись сдѣлать *слишкомъ* количеству бумаги.“ Пошрудитесь.

Мило очень, что Издатель Телескопа не умѣетъ различить Нѣмецкаго родимельнаго надежа въ именахъ собственныхъ и пишеть: книга *Велькерса* (*Welfers*) вмѣсто *Велькера*; Нидерландская Исторія *Леоса*, вмѣсто: сочиненіе *Лео*; *Горнса* путешествіе, вм. путешествіе *Горна*! Шамиссо, (путешествовавшій на Рюрикѣ съ Капитаномъ Коцебу), пожалованъ въ Хамиссо; книгопродавецъ Копта въ Издатели книгъ. *Die Stunden der Andacht* — переведено: *Часы Богомыслия*, есть *Жакомтова* учебная мѣтода и проч. и проч.

Вотъ наши строгіе цѣнили и суды!

Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпша, и не чашаетъ Телескопа (онъ просилъ меня не посылать къ нему вздоровъ); но я долготъ почелъ вступиться за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобъ оправдывать и защищать Булгарина, (который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и талаща, нежели во многихъ головахъ Рецензентовъ), а для того, чтобъ сорвать личину съ шарлатанства, и показатъ публикѣ отечественной, кто и какъ у насъ судитъ о произведеніяхъ Литературы и о Литераторахъ.

Говоряшъ, что я сими замѣчаніями накликаю на себя шму ругательствъ. А мнѣ какое до того дѣло? Я исполнилъ долгъ честнаго человѣка. Меня и такъ эти люди бралишъ безпощадно: пусть же будетъ у нихъ пенеръ какойнибудь предлогъ.

Н. Гречъ.

Каменный Островъ,

15 Іюня 1831 г.
